

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ ДЮЖЕВ

доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора литературоведения Института языка, литературы и истории, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
disp37@yandex.ru

«Я ОБОЖАЮ СКВОЗНЯК НОВИЗНЫ...» (философская лирика Юрия Линника 1960-х годов)*

Анализируется философская лирика Ю. Линника на материале поэтических сборников «Прелюдия» (1966) и «Созвучье» (1969). Речь идет о поисках поэтом внутренней гармонии, объединяющей прошлое и настоящее, и нахождении этой гармонии, по его словам, «в самом Севере, взятом как сложнейшая категория русской истории, русского языка и русской природы».

Ключевые слова: литература Карелии, писательские персоналии, философская лирика Ю. Линника 1960-х годов

В 1960-е годы XX века в стихах молодых поэтов Карелии аналитическое исследование действительности дополнялось более широким освещением истории советского общества, обращением к насущным проблемам времени, ростом гуманистического пафоса литературы. Вместе со всей советской поэзией, переживавшей в то время заметный качественный рост¹, молодые поэты республики преодолели бытовалившие догматические воззрения, расширили диапазон форм и художественных средств реалистического искусства. Свидетельством разнообразия стилей, широкого критерия художественной правдивости стали стихи поэта Юрия Линника (1944–2018)². Впервые они были опубликованы в газете «Комсомолец» в 1959 году. В 1966 году в Петрозаводске вышел первый стихотворный сборник поэта «Прелюдия»³. Редактором сборника издательство попросило статью М. Тарасова, который вспоминал впоследствии:

...издательство, смущенное необычностью формы и содержания стихов, обезопасило себя моим именем как редактора сборника и заведующего отделом поэзии журнала «Север». При всей новизне стихи еще не были самостоятельными, в них угадывалась поверхностная броскость образов Андрея Вознесенского, а кое-где – и риторические приемы Роберта Рождественского [13].

Позднее в разговоре с М. Тарасовым Ю. Линник подтвердил эту мысль, сказав:

Знаешь, влияние Вознесенского действительно было явным, но внутренне я больше был привязан к Роберту – даже за его тогдашними декларациями угадывалась живая душа, потом так светло и открыто проглянувшая в его «Последних стихах» [13].

Можно понять Ю. Линника, равнявшегося в творческой молодости на кумиров оттепели второй половины 1950-х годов. Тогда свобода пьянила людей, и на поэтических вечерах в зале Политехнического музея А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулина, Р. Рождественский

читали стихи на запретные темы, входя в литературу стремительно и бурно и обретая такую славу, о которой не могли прежде мечтать их собратья по поэтическому цеху. Вслед за ними и молодые поэты из провинции тоже хотели ломать устоявшиеся поэтические каноны, говорить и писать правду. «Я обожаю сквозняк новизны – и с болью подспудной лечу я в туман, тоскливо косясь на подспудный стопкран!» – писал Ю. Линник в поэме «Ночные мелодии», используя свободный стих (верлибр), бывший редким в местной поэзии. Уже сам по себе выбор молодого поэта в пользу системы стихосложения, «характеризующейся нерегламентированной (непредсказуемой) сменой мер повтора» [9: 29], говорил о «сквозняке новизны», желании эксперимента в работе с поэтическим текстом. Непривычным для провинции был и образ лирического героя, который в одном из открывавших книгу стихотворений – «Родине» – отошел от обычных в таком случае клятв и обещаний быть достойным гражданином страны и обратился к Родине как к своей строгой матери, которую он просит не обращать внимания на проделки непутевого сына: «Дай пображничать мне и постольничать... Как Вольге дай на Волге повольничать и вольготные песни слагать!» Кумирами Ю. Линника в юности стали: в прозе К. Паустовский, в поэзии Б. Пастернак, в философии Н. Бердяев. К ним в беседе с Ю. Савватеевым Ю. Линник добавил еще композитора А. Скрябина и художника М. Чюрлениса. «Эти гении совместно взращивали мой дух» [4], – заявил поэт. В другом интервью он вспоминал историю первого знакомства с творениями Чюрлениса:

Мне 17 лет, и я поступил в Литературный институт... К этому времени я уже неплохо знал поэзию Серебряного века, у меня были книжечки Мандельштама и Волошина. Сел в поезд, провожают мама и папа. Так получилось, что рядом со мной оказался интересный

человек, врач из сортавальского санатория. У него была книжечка Лемана о Чюрленисе. Я ее полистал и как-то успокоился. Через художника я ощутил какую-то благодать, облегчение, на душе стало спокойно. Приезжаю в Москву. И какая-то странная воля ведет меня на другой день погулять на Мясницкую улицу. Захожу в книжный магазин и вижу огромную папку с надписью: «Чюрленис». Художник трансцендентного уровня бытия. Художник-мечтатель. Идеалист чистой воды. Платоник. Теософ. Я в него сразу влюбился. Чюрленис сформировал, вылепил мой внутренний мир. Понятно, что я уже был готов к его восприятию. У меня начался культ Чюрлениса. Это был 1961-й год. Еще в юности заболел Скрябиным. Сразу ощутил его космизм [5].

Сам перечень имен поэтов, художников, музыкантов, которые «вращивали дух» молодого поэта, говорит о его желании как можно глубже познать мир вокруг себя. Этим он во многом был схож с М. Волошиным, увлекавшимся буддизмом, католицизмом, франкмасонством, оккультизмом, теософией и магией. Волошин «восставал против любого ущемления свободы, а значит, любое государственное устройство было для него тесно». Что же касается устройства личных дел, то Волошин «настоял на благоговел перед любимой, что боялся ее коснуться»⁴. По сердцу пришлась Ю. Линнику идея Волошина создать в Коктебеле уникальный культурный центр, который после смерти стал его музеем. Ю. Линник тоже всю жизнь на основе своих коллекций мечтал создать музей и передать его в дар государству.

Так же как созданный в советский период поэтический цикл М. Волошина «Путями Каина», поэмы «Святой Серафим» и «Россия», стихотворения «Владимирская богоматерь», «Дом поэта» не укладывались в прокрустово ложе «пролетарской поэзии», так и поэзия Ю. Линника выглядела в 1960-е годы, да и в последующие десятилетия неким вызовом, чему способствовал и стиль отношений поэта с окружающим миром. В диалоге с Ю. Савватеевым поэт следующим образом говорил об этой своей поведенческой особенности:

Скажу честно: к диалогу я плохо приспособлен. Человек замкнутый и одинокий, я всю жизнь строил защитную раковину – и весьма преуспел в этом. Редко и неохотно высывался наружу. Изоляция стала основным параметром моего бытия. Кто-то видит в этом – и тут наличествует парадокс – вызов, эксцентричность. Ну и что? Меня это ничуть не беспокоит – говорю смиренно, без всякой гордыни... Это закономерно для мира, где довлеют недоброжелательность и подозрительность [4].

Отсюда понятно название второго раздела книги «Прелюдия»: «Искусство на баррикадах». Свою общественную позицию молодой автор излагает в стихотворении «О Гарсиа Лорке»: «Поэт – сподвижник грома и вулканов, его стихи – как склад пороховой!» Таков герой стихотворения, отдавший жизнь в борьбе с фашистской диктатурой Франко ради свободной Испании, которая «как надгробьем, нечистью придавлена».

Поскольку Ю. Линник к тому времени не был обогащен опытом жизни, его личностная и творческая эволюция вполне естественно отталкивалась от впечатлений, оставленных после прочтения философских и художественных произведений, знакомства с историей Руси. Подобно тому, как герой цикла «Родина» А. Блока в своих мечтах перевоплощался в сражавшегося под знаменем князя Дмитрия Донского древнерусского воина и тем самым выражал свои патриотические чувства, так и герой стихотворения Ю. Линника «Андрею Рублеву» словно наяву видел знаменитого иконописца, который действительно мог сказать о себе: «Я – Русь!» Сюжет посвященного А. Вознесенскому стихотворения «Неистовый Винсент» строится на конфликте между не признанным при жизни художником Ван Гогом («На чахлый чердак, чертыхаясь, во мгле вздымался, чтоб к вздыбленным звездам поближе!») – и обществом, своим равнодушием приблизившим час его смерти. На впечатлениях от знакомства с картинами художника-антифашиста Г. Мазурина построено стихотворение «Баллада глаз». Посвященное Э. Межелайтису, стихотворение «Художник» рождено на волне восхищения поэзией этой самобытной личности: «О, Человек! – Ты – фильтр: в тебе осели весна и осень, счастье и беда!» Поэма «Вечная прелюдия» обязана волшебному воздействию на поэта музыки Ф. Шопена.

Общее в привлечших внимание Ю. Линника А. Рублеву, Ван Гоге, Г. Мазурине, Э. Межелайтису, Ф. Шопене – это достижение бессмертия своими произведениями, будь то искусство иконописи, живописи, поэзии, музыки. Они достигли признания вопреки обществу, не признававшему их достижений. Молодой поэт был готов повторить их жертвенный путь. «Бессмертие / – вот солнечный закон / моей огромной Солнечной Системы!» – пишет он в стихотворении «Бессмертье». Позднее Ю. Линник следующим образом выразит свое отношение к смерти:

Я очень рано вышел на Николая Федорова. У меня есть первое издание его «Философии общего дела». Величайший раритет! Победу над смертью считаю главной задачей культуры. Своей смерти очень и очень боюсь. Примириться с ее неизбежностью не могу... Еще юношей я ощутил тягу к универсализму. Мне хотелось не только понять мир как целое, но и вписаться в него – застолбить свое место в нем. Как поэт и философ я откликнулся на ключевые темы физики, астрономии, биологии [4].

Многое в тех советах, которые лирический герой поэмы «Вечная прелюдия» дает юному Шопену («Убегай / в голубые пролёты / лунных проспек и звездных высот»), характерно и для творческих взглядов автора «Прелюдии». В стихах и поэмах сборника ощущается сильное влияние «русского космизма» – социокультурного феномена, включавшего в себя религиозно-философские, поэтически-художественные, музыкально-мистические направления, представленные в трудах

Н. Федорова, К. Циолковского, В. Вернадского, А. Чижевского, Н. Бердяева, В. Соловьева, С. Булгакова, П. Флоренского, Е. Блаватской, Николая и Елены Рерих и других [12]. Интерес к русскому космизму в СССР обострился в связи с успехами космонавтики, хотя Ю. Линнику как философу было хорошо известно, что выражение «космическое мышление» встречалось еще в оккультной и мистической литературе XIX века.

При всей философской сложности поэмы Ю. Линника «Ночные мелодии» ее содержание укладывается в провозглашаемое русским космизмом признание соразмерности микрокосмоса (человека) и макрокосмоса (Вселенной) и необходимость соизмерять человеческую деятельность с принципами целостности этого мира. Обладающий космическим мышлением герой поэмы видит себя летящим «над спиралями земных змеящихся огней» по фантастической дороге, «вымощенной звездами». Там, внизу, он оставил свою любимую и не может избавиться от тревоги за ее существование: «Как вороги / – ворохи листьев / свистят у порога! / Тревога! / Как будто облава, / мой дом облака облегли». Земля сверху видится неустроенной для жизни: «Фосфоресцируя, как рыбы в те льды вмерзают города; ночь «обвалы таит и аварии» и даже «закат над туманом горящим / проносится, как самолет с бензобаком горящим». По мере ночного полета образ возлюбленной все более становится призрачным, неуловимым и растворяется в пространстве без какой-либо надежды на встречу: «Ты схлынешь, / оставив / на дне моей грусти ночной / мотив, что ноктюрном Шопена / взойдет надо мной / и в эхо далёком / погаснет, ища повторений». Герой поэмы углубляется в самоанализ своих переживаний и ощущает возникшее единство с Космосом, проникающим в самые глубины его подсознания: «Пространство смещалось, как в испепеляющий фокус, в мое одиночество». Ощущение всеединства возникает лишь на мгновение, и человек вновь пытается восстановить оборвавшийся контакт, но не может этого сделать: «Я, как телепат, над полночным пространством колдую, я письма немые в ночные пустоты диктую». В финале поэмы образ безымянной возлюбленной обретает осязаемое имя – Земля. Именно к нашей планете обращены чувства лирического героя, который считает себя достойным представлять человечество («Во мне одном бушуют поколения, / во мне одном тысячелетия жизни») в обращении к Земле как к живому существу со словами любви и сожаления за обиды, нанесенные ей людской деятельностью: «Земля моя, лети! / На Берег Жизни / из глубин Вселенной, / как раковина, выброшена ты!»

Космизм мышления Ю. Линника (как и у других сторонников этого течения мысли) непосредственно связан с представлением о Вселенной, управляемой невидимыми сверхъестественными силами, и соотносится с астрологическими представлениями о взаимосвязи звездного неба с духовными и телесными аспектами человека:

Если мой условный Бог – личность, то и я, Его образ, обязан быть личностью, противостоящей обезличивающему влиянию социума; личностное начало в моем понимании – одна из нетварных энергий Бога; моя личность – Бог во мне; я, личность, – икона Бога [4].

В поэме «Ночные мелодии» и в десяти стихотворениях из цикла «Для тех, кто любит» Ю. Линник разрабатывает получившую распространение в первой четверти XX века «идею Софии-Мудрости». Как было написано по поводу этой идеи на страницах журнала «Вопросы философии» (1991. № 9), в русской философии она получает не только умозрительное, теоретическое, но и образно-поэтическое, интимно-романтическое выражение:

Значение Софии простирается «от понимания ее онтологической сущности как идеального первообраза тварного бытия, от понятия ее духовной целостности как единства Логоса и Эроса, слияния Истины, Блага и Красоты до интимно-личностного переживания ее как Мировой Души, Вечной Женственности, Святой Девы, Невесты Агнца, Целомудренной Царицы, Подруги и Возлюбленной [8].

Речь идет о стремлении к «софийному» чувству мировой гармонии и «божественной полноты», к вечно ускользающей красоте мира. Как заметил С. Н. Булгаков в работе «Свет вечерний», «философия по существу своему есть неутолимая и всегда распалаемая “любовь к Софии”» [8]. «Влюбленным в Софию» можно назвать и Юрия Линника. В стихах, написанных «для тех, кто любит», он дает уже в первом стихотворении цикла символическое имя объекту своих восторженно-трепетных переживаний – Сольвейг. Так ранее назвал героиню своей драматической поэмы «Пер Гюнт» Г. Ибсен. Эта ушедшая из семьи за всеми отвергнутым Пером Гюнтом и прождавшая его до глубокой старости деревенская девушка стала воплощением извечной мужской мечты о женской верности. Ее бесконечная влюбленность в мужчину выгодно оттеняет героя, который нарисован Г. Ибсеном человеком цельным, «с печатью Божьей на челе своем». Олицетворением Вечной Женственности, Невесты Агнца (подобно восприятию русскими философами Софии) выглядят и Сольвейг Ю. Линника. На Пер Гюнта похож герой его стихотворения «Ничьи», уверенный в своем историческом предназначении: «Мир ничьим не бывает – / и буду я им обладать». Мистическая окраска стихов Ю. Линника, обращенных к Сольвейг, близка к «Стихам о Прекрасной Даме» А. Блока. Обоих поэтов сближает ощущение слитности и нераздельности своей индивидуальной души со всеобщей и единой «Мировой душой». По определению самого А. Блока, «Стихи о Прекрасной Даме – это «сны и туманы, с которыми борется душа, чтобы получить право на жизнь» [10]. Прославление Сольвейг в любовных стихах Ю. Линника контрастирует с описанием смятения рационально настроенного ума лирического героя. Происходит это от постоянно сопровождавшей поэта тоски по горнему миру. Герой стихов

Ю. Линника неистово стремится к непостижимо прекрасной Сольвейг – и понимает невозможность сближения, поскольку это будет мешать самоутверждению его личности, настроенной на свободный, все сметающий с жизненного пути порыв к Абсолюту: «Одиночество! Вновь я твоими слезами увлажен! Мне никак не привыкнуть к моей одичалой беде...» («Осенний зов»).

При всей философской усложненности любовных стихов Ю. Линника особую ценность придает им тонкое воссоздание пластики переживаний, которые далеки от сексуальной направленности стихов многих других поэтов и, судя по всему, опираются на чистоту и трогательную нежность пережитых в детстве чувств.

У меня культ собственного детства. Оно прошло в сказочной Сортавала – городе финского модернизма. Из своего детства я сделал личную религию. Я поэт и философ детства [4].

Даже когда в стихотворении «Ожидание марта» Ю. Линнику нужно описать вхождение на лыжах «в неисхоженный и нахоженный лес», он черпает впечатления из сортавальского периода своей жизни: «Как в детстве – лоток с неизбывным мороженым, / я дверь открываю в сплошной снегопад!» И описываемая в стихотворении «Капля ночи» сила нежности, когда юному человеку даже боязно притронуться к столь же невинному объекту его чувств, когда от переполняющего его восторга он начинает писать при свете ночного фонаря восторженно-романтические стихи в честь возлюбленной («О, тихий мир / – мирам твоих ресниц!»), то эти прекрасные в своей наивности строки идут из ранних, не усложненных бытом, воспоминаний поэта.

В цикле «Для тех, кто любит» Ю. Линник рассматривает искусство слова как выражение человеческого духа, глубоко выражает самого себя, действует по принципу, что космос живет в личности. Его лирический герой при всей его тяге к одиночеству (стихотворение «Эхо») ощущает связь между собой и теми, кто его полюбил, за кого он несет личную ответственность:

Ну что я есть? –
Весь мой певучий сказ,
Совсем недавно бывший немостою –
Он только эхо губ твоих и глаз,
Нечаянно подслушанное мною!

Многие произведения из завершающего книгу «Прелюдия» цикла «Стихи из природы» написаны в форме обращения к безымянной и прекрасной, как Сольвейг, женщине, с которой лирический герой мечтает разделить близкое его душе чувство восхищения красотой и мудростью Природы. «Я пантеист до мозга костей» [4], – говорил Ю. Линник в интервью с Ю. Савватеевым. А это значило, что для поэта и философа Бог идентичен Природе или Вселенной («Твои глаза»):

Когда, просвечен до глубин
Сияньем медленным и странным,
Лежишь под небом голубым,
как под лучащимся экраном,

То начинаешь понимать,
Откуда это обращение
К земле, чье вечное вращенье
К нам бескорыстно, словно мать.

Для пантеиста Ю. Линника Бог присутствует во всех вещах, будь то звездная масса Галактики, где «желтое Солнце, / как яркая вспышка рожденья!» («Начало») или «синий сентябрь, / выключаящий музыку лета!» («Осень»). Бог и мир в представлении поэта и философа объединены в единое целое и тесно связаны с духовными и телесными аспектами человека: «Ко мне, как свет, / приходит пониманье, / что этот мир составлен из добра» («Отдых»). «Стихи из природы», воссоздавая своеобразие философского видения мира, вмещают в себя и талантливо выписанные картины жизни северной природы. Герой стихов словно растворяется в ее красоте: «Из атомов кузнечиков и птиц / составлен лес, и я, и берег пруда» («Бессмертье»). Он обладает волшебным свойством слышать, как «звучали тростники – как будто подплывают к ним форели / и дуют в них, как в синие свирели, / серебряно пуская пузырьки» («Музыка земли»). Он может интуитивно почувствовать, как «от тяжести звезд отраженных прогнулась вода» («Начало»), и заметить с зоркостью натуралиста, как «завалились на спячку валежники, придавив незамеченный груздь» («Сентябрь»). В стихотворении «Причал» герой в лирическом обращении к своей Сольвейг просит доверять ему, «как Природе», которая лечит «синью лесной» душевную боль одиночества:

И входит в меня
Утишающий лес озаренный...
Стога заземленными колоколами стоят –
Уходит под землю
Неслышимый звон изумленный!

И тогда к поэту приходит вдохновение, и он торопится запечатлеть на бумаге увиденные им отражения в озере птиц, теперь в виде строк «тихо влетающих в тихое стихотворенье!». «Стихи из природы» Ю. Линника рождаются в творческом самовыражении духа. Поэт входит в Природу как человек, который занимается осмыслением мира и самого себя, и свои выводы в художественной форме выводит наружу с надеждой на ответное движение людей мыслящих, уверенных, что «этот мир составлен из добра».

Познакомившись со стихами Ю. Линника, П. Антокольский признал в нем «многообещающего поэта» [1]. Карельские рецензенты Л. Резников, В. Дзядок советовали молодому поэту быть ближе к социальной действительности. На взгляд Э. Карху,

заявка на философскую лирику, на которую отважился Ю. Линник в первом же сборнике, осуществлялась с большими изъянами... На книге в целом лежала печать некоторой манерности, претенциозной изощренности, литературного самолюбования. Было формальное умение, но стихам не хватало подлинной теплоты жизни [3: 98–99].

Сам Ю. Линник позднее так выразил отношение к поэтическому дебюту:

Я очень люблю свою первую книгу «Прелюдия». Потом я что-то потерял. Улетучилась лирическая непосредственность? Говорят, что меня называют холодным поэтом. Может быть. Но как направить свое развитие? Что сложно – то сложно [4].

Те три года, которые отделяют первую книгу от второй, были непростыми для Ю. Линника по многим обстоятельствам. За «литературное самоловование» его критиковали на писательских собраниях и в обзорных статьях. В аспирантуре на кафедре марксистско-ленинской эстетики Московского педагогического института имени Н. Крупской было представление о советской эстетике как проводнике идей партии. Настороженность по отношению к любой независимой, автономной личности существовала и в Карельском государственном педагогическом институте, куда Ю. Линник пришел после аспирантуры читать лекции студентам. В таких условиях рождалась вторая книга Ю. Линника «Созвучье»³. В стихотворении «Зазеркалье», которое начинается со строки «Уходит радость...», выражено свободным стихом душевное смятение лирического героя:

Уже заснежено и вьюжно в уже застуженной груди.
Уже оглядчивыми стали поступки, взятые в расчет!

Герой не без печали вспоминает, как он «в такое Зазеркалье / хотел рвануться напролом!», но эта попытка окончилась разбитыми вдребезги зеркалами: «Остались ссадины и шрамы, / я солью их заврачевал!» В написанном верлибром от первого лица стихотворении «Поворот» герой болезненно переживает нападки общества на ту систему ценностей и ориентиров, которая определяла пафос его первой книги и была признана крамольной, что поставило художника на грань творческого выживания:

Всё, что скопил я в поте лица – уже без сил – на резком повороте я вдребезги разбил... От нового крушенья спасая мир души, я полз из окруженья безверия и лжи. Отчаянье крепчало, но мужество росло. Но доброе начало куда сильней, чем зло.

Теперь поэт без сожаленья смотрит «на час освобожденья от юношеских льгот». Взросление для Ю. Линника означало построение себя. С одной стороны, он должен был зарабатывать на жизнь лекциями по марксистско-ленинской эстетике, выполнявшей охранительные задачи, с другой стороны, как поэт, он был ориентирован на личностную свободу, на созидание, на творческие задачи самоосуществления человека. Насколько сложным для Линника-поэта было преодолеть свою инфантильность, повзрослеть, сохранить свою духовность свободной и многосторонней, можно судить по ряду стихов, в которых вновь и вновь возникает тема открытости самому себе и миру. «Есть дно в моей душе, но двойное», – пишет поэт в стихотворении «Исток» и отделяет нужные в обществе «улыбки и слова» от естественности поведения на Природе, где и есть «чистый исток», «дно души, дно лучших чувств».

«Себя я перепутываю часто / с каким-то идеальным двойником», – признается герой стихотворения «Двойник». Он «праведно-безгрешен в шалашике на скошенном лугу», но даже на лоне природы «совесть, неулыбчивый конвойный, / всегда идет на локоть позади». И тогда идеальный образ закидывающего удочку в тростник мальчика («твой не выросший двойник») исчезает, и «уже иные лики и обличья, / глумливо зыблясь, смотрят на тебя». И возникает вопрос самому себе: «Возможно ль сотворенье идеала / из горькой смеси истины и лжи?» Все построение сюжета, казалось бы, ведет к дальнейшему покаянию «индивидуалиста», но для Ю. Линника именно личность была носителем творческих перемен, и он оправдывает духовные метания героя как необходимое понимание им прошлой жизни и ее преодоление:

Ах, впрямь ли я мучительно раздвоен,
В себе смешая антиполюса,
Коль раз за вечность все же удостоен
Пройти сквозь эти ливни и леса –
Сквозь белое гудение метели,
Сквозь топяную клюквенную гать! –
Приемлю мир, каков он есть на самом деле,
Хочу его лепить и осознать.

В стихотворении «Элегия» поэт размышляет о быстро текущем времени, о грусти расставания с детством, где осталась «моя молодая тревога, первое чувство и первое очарованье», о сложности выведения в слово, в стихи обретенного в трудах и тревогах нового жизненного опыта: «Что мы теряем в пути? / Остроту ощущений. / Что мы находим в дороге? / Основу и опыт». В ходе размышлений у Ю. Линника не могли не возникнуть новые представления о жизни его поэтического творчества в советской литературе, о феномене массовой культуры, о катаклизмах современности, но «основа» его мировоззренческих, философских убеждений, ярко проявленная в книге «Прелюдия», сохранилась. Как писал поэт в стихотворении «Подпора»:

Ты ничего в себе не изменил,
Не выправил себя ни на иоту? –
В душе, ведущей прежнюю работу,
Ты произвел перестановку сил.

Вновь поэт погружается в поиски внутренней гармонии, объединяющей прошлое и настоящее, и находит эту гармонию «в самом Севере, взятом как сложнейшая категория русской истории, русского языка и русской природы», будучи убежден, что «чем шире раздвигается перед читателем космос, тем более глубоким становится интерес к уютному миру его родной земли» [6].

Основу «Созвучья» составляют стихи о «бесконечно прекрасной» для Ю. Линника романтической стране под названием Север. В разделе «Зодиак» четыре стихотворения, посвященные поочередно летнему солнцестоянию, осеннему равноденствию, зимнему солнцестоянию и весеннему равноденствию, рисуют вечный круговорот природы. Погруженный в «загадочное движение времени», герой видит в природе

средоточие и первооснову красоты. В эти волнующие минуты «равноденствия» он под влиянием чувства красоты ощущает некую волшебную связь между собой и природой – связь, которая возвышает его переживания познанием сложной гармонии жизни и находится в таком несоответствии с реальным миром, что возникает желание остановить время: «Пусть время останавливает стрелки / на солнечных часах моей судьбы» («Осеннее равноденствие»).

В пятнадцати стихотворениях следующего за «Зодиаком» цикла «Месяцеслов» последовательно рассматривается «необратимый ход времени» от января до конца года. Изменения в природе даны глазами философа, который уверен, что общее живет в частном, что космос живет в личности и чувствует «цепкое сходство природных и собственных дум» («Ноябрь»). А. К. Дремов писал 20 января 1970 года в рекомендации Ю. Линнику на предмет поступления молодого поэта в члены Союза писателей СССР:

Природа у Линника побуждает человека к творчеству, к добру, она близка и родна человеку. Его поэзия характерна философским осмыслением природы, удивительной вместе с тем красочностью и зримостью, мелодичностью и филигранной отделкой стиха... Юрий Линник – поэт талантливый, зрелый, со своей гражданской думой, со своим поэтическим голосом⁶.

В описании природы Ю. Линник свободно отдается потоку чувств и воображения и в эти мгновения переживает особенную остроту самоуглубления. Но даже когда в других разделах поэтического сборника «Созвучье» – «Эхо», «Красота», «Этюдник», «Постоянство», «Пасека», «Бессмертье», «Душа», «Возраст» – он размышляет над прошлым, «вглядываясь в память» и пытается понять причину «ненужного разлада» с возлюбленной (стихотворения «Раздел», «Попытка», «Надежда», «Просьба», «Эхо»), или когда речь идет о таинстве рождения поэтического вдохновения («Художник», «Михайловское», «Золотое сечение», «Исчезновение», «Лоно», «Радость») – всегда в этих и других случаях проносающиеся через сознание художника идеальные образы природы противостоят хаосу и непокою души. Почувствовав временную «немоту», «тоску-бедолагу», лирический герой стихотворения «Лоно» просит излечения у природных сил, которыми наделены «трава-одолень», «чага», «трава-приворот камчужник»:

Я родня родникам, я соратник травы,
Но меня без огляда оставили вы.
Потому умоляю вас низкопоклонно
Возвратить мою душу в зеленое лоно.

Поэт уверен, что «до конца нерастворим / наш голос в голосе природы» («Невозможное»), и благодарит ее за рождение «мыслей о чистом и о вечном» («Этюды»).

Критик А. Гидони в «Заметках о стихах Юрия Линника» назвал «беспорным» талант автора

и увидел за его творческой работой на ниве философской лирики богатую, интересную, неисчерпаемо полнокровную традицию русской поэзии, начиная с Баратынского и Тютчева:

Ю. Линник во многом традиционен, но традиционность эта – в лучшем смысле этого слова. Его стихам, несмотря на временами нарочитую усложненность, свойственна в основе классическая ясность мысли. Ю. Линник идет в русле глубинного творческого поиска, а это уже по себе значит многое! [2].

О переломе, который произошел в творчестве молодого поэта («Его мысль подвижна, ей чуждо самообольщение»), писал Э. Карху, увидев в сборнике «Созвучье» «новое направление авторских исканий... знак того, что автор пребывает в поисках и далек от окончательных решений» [3: 100–108]. А. Гидони (начавший статью с признания, что он любит стихи Ю. Линника) из благих побуждений советовал ему «противопоставить уходу в герметически замкнутый мир самоанализа и самоограничения принципиально иную устремленность, которая характеризуется обращением к жизни с большой буквой». Э. Карху рекомендовал молодому поэту избегать «сентиментально-романтической позиции», сожалея, что в некоторых стихах о природе она в сознании автора «уже не смыкается с достижениями современной цивилизации, с космодромами и расплавленной плазмой, а становится неким “духовным убежищем”».

Впереди у Ю. Линника было дальнейшее познание себя как человека и писателя, обретение цели и направления развития. На этом пути он интуитивно искал в писательской среде тех поэтов, которые были близки ему по глубине и силе переживаний, кто сумел преобразить опыт собственной жизни в творение стихов. Одним из таких творцов был Николай Рубцов. Именно Ю. Линнику принадлежит опубликованная в 1966 году в журнале «Север» (№ 3. С. 124–125) рецензия на первую книгу Н. Рубцова «Лирика». Высоко оценил Ю. Линник поэзию Н. Рубцова, увидев в стихах поэта из Вологды близкую ему «тоску по утраченной гармонии»: «Его идеализация прошлого есть защита этого прошлого от косного равнодушия, способного привести к утрате национального самосознания» [6: 114]. В опубликованной спустя год после смерти Н. Рубцова статье «Углубление связи» Ю. Линник писал:

Мне кажется, что в современной поэзии одному Николаю Рубцову удалось так тонко воссоздать интонацию спокойного раздумья, столь характерную для нашей классики. Эта интонация поэтического голоса особой чистоты и прозрачности, песенной пространственности звучания, ясности формы. Но Н. Рубцов не просто воскрешает элегическую интонацию, а наполняет ее животрепещущим, истинно современным звучанием. Поэт своего времени, он чувствует преемственную «жгучую и смертную связь» в поступательном восхождении России [7: 125].

Эти строки можно отнести и к творчеству самого Юрия Линника.

* Исследование осуществлялось в рамках государственного задания КарНЦ РАН.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. [11].² Ю. В. Линник родился в Беломорске, где мать преподавала в школе, а отец был работником связи. Раннее детство Ю. Линника прошло в Сортавале. В начале 1950-х годов здесь встретился с ним уже писавший и печатавший стихи Марат Тарасов. Его попросили навестить одаренного мальчика, лечившегося в местном санатории. М. Тарасов вспоминал: «Запомнились большие, абсолютно взрослые глаза семилетнего мальчика, прочитавшего много серьезных книг. Видимо, одинокая жизнь в стенах санатория заставила его погрузиться в мир книг, сделала самоуглубленным, не по-детски внимательным. Через несколько лет я увидел его совершенно освободившимся от детского недуга, юношей, жадным до жизни, словно наверстывающим долгое отторжение от нее, легко идущим на контакт с друзьями, но при этом держащимся отдельно от всех, бережно оберегающим свой внутренний мир» [13]. В 1951 году семья переехала в Петрозаводск. После окончания школы Ю. Линник поступил в Литературный институт имени А. М. Горького на отделение художественного перевода. Занимался в семинаре поэта Льва Озерова. В 1964 году он перевелся в Петрозаводский государственный университет, защитил диплом на тему «Поэзия Пастернака» и был рекомендован в аспирантуру. В 1966–1969 годах учился в аспирантуре Московского областного педагогического института имени Н. А. Крупской, написал кандидатскую диссертацию «Объективность красоты в органической природе» и защитил ее в 1970 году. В 1988 году успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук «Эстетика космоса», стал профессором Карельского государственного педагогического университета, а с 2014 года – профессором кафедры философии ПетрГУ.³ Линник Ю. Прелюдия. Петрозаводск, 1966. 99 с. Дальнейшие ссылки на этот сборник без указания страниц.⁴ Волошин М. // Русские поэты XX века. Челябинск: Урал ЛТД., 2001. С. 99–105.⁵ Линник Ю. Созвучье. Петрозаводск, 1969. 230 с. Дальнейшие цитаты без указания страниц.⁶ Архив Союза писателей Карелии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антокольский П. Так начинаются поэты // Комсомольская правда. 1966. 17 сент.
2. Гидони А. Поэзия бытия или бытие поэзии? Заметки о стихах Юрия Линника // Север. 1970. № 11. С. 121–124.
3. Карху Э. В краю «Калеваль»: критический очерк о современной литературе Карелии. М.: Современник, 1974. 223 с.
4. Линник Ю. «Чем я занимаюсь? Ускоряю вселенную!» // Интернет-журнал «Лицей». 2012. 4 сентября [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gazeta-lickey.ru> (дата обращения 12.04.2018).
5. Линник Ю. «Моя коллекция – собственность народа» // Интернет-журнал «Лицей». 2012. 14 февраля [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gazeta-lickey.ru> (дата обращения 12.04.2018).
6. Линник Ю. День поэзии Севера // Север. 1968. № 2. С. 111–114.
7. Линник Ю. Углубление связи // Север. 1972. № 1. С. 124–126.
8. Назаров В. Н. «Каждый из нас в глубине своей есть София». Предисловие к публикации работы Л. П. Красавина «София земная и горная» (1922) // Вопросы философии. 1991. № 9. С. 171–174.
9. Овчаренко О. Русский свободный стих. М., 1984. 207 с.
10. Орлов В. Александр Блок. Вступительный очерк // Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. М., 1960. С. 23–24.
11. Панков В. Воспитание гражданина: Советская литература, годы шестидесятые. Изд. 2-е. М., 1969. 376 с.
12. Русский космизм: Антология философской мысли / Сост., предисл. С. Г. Семенова, А. Г. Гачева. М.: Педагогика-пресс, 1993. 368 с.
13. Тарасов М. От звездчатки до ночных созвездий // Курьер Карелии. 2004. 16 янв.

Dyuzhev Yu. I., Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

“I LOVE THE WIND BLOWING NOVELTY...” (Yuri Linnik’s philosophical lyric poetry of the 1960s)*

The paper analyses the philosophical lyric poetry of Yuri Linnik using two collections of his poems: *The Prelude* (1966) and *The Harmony* (1969). It is about the poet’s search for inner harmony, uniting the past and the present, and eventually finding this harmony, in his own words, “in the North, taken as one of the most complex categories of Russian history, Russian language and Russian nature”.

Key words: Karelian literature, literary personalities, philosophical lyric poetry by Yuri Linnik in the 1960s

* The research was carried out under the state assignment.

REFERENCES

1. Antokolsky P. So poets begin. *Komsomol'skaya pravda*. 1966. 17 Sept. (In Russ.)
2. Ghidoni A. Poetry of genesis or genesis of poetry? Notes on Yuri Linnik’s poetry. *Sever*. 1970. No 11. P. 121–124. (In Russ.)
3. Karkhu E. In the land of Kalevala: a critical essay on the modern literature of Karelia. Moscow, 1974. 223 p. (In Russ.)
4. Linnik Yu. “What am I doing? Accelerating the universe!” *Internet-zhurnal “Litsey”*. 2012. 4 Sept. Available at: <http://gazeta-lickey.ru> (accessed 12.04.2018). (In Russ.)
5. Linnik Yu. “My collection is people’s property”. *Internet-zhurnal “Litsey”*. 2012. 14 Feb. Available at: <http://gazeta-lickey.ru> (accessed 12.04.2018). (In Russ.)
6. Linnik Yu. Northern Poetry Day. *Sever*. 1968. No 2. P. 111–114. (In Russ.)
7. Linnik Yu. A deeper connection. *Sever*. 1972. No 1. P. 124–126. (In Russ.)
8. Nazarov V. N. “Each of us is Sofia deep inside”. In L. P. Krasavina, Sofia earthly and heavenly [Foreword]. (1922). *Questions of philosophy*. 1991. No 9. P. 171–174. (In Russ.)
9. Ovcharenko O. Russian free verse. Moscow, 1984. 207 p. (In Russ.)
10. Orlov V. Alexander Blok. Introductory essay. *Blok A. Collected works*. In 8 vol. Vol. 1. Moscow, 1960. P. 23–24. (In Russ.)
11. Pankov V. Education of a citizen: Soviet literature in the nineteenth-sixties. Moscow, 1969. 376 p. (In Russ.)
12. Russian cosmism: anthology of philosophical thought. (S. G. Semenova, A. G. Gacheva, Comp., Preface). Moscow, 1993. 368 p. (In Russ.)
13. Tarasov M. From Stellaria to the night star constellations. *Kur'er Karelii*. 2004. 16 Jan. (In Russ.)

Поступила в редакцию 17.05.2018